

АНТОН ИХСАНОВ

«Письмо — это половина встречи»: диалог и конфликты смыслов в переписке российских востоковедов и мусульманских интеллектуалов в начале XX в.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-260-292>

Anton Ikhsanov

«A Letter Is a Half of the Meeting»: the Mechanism of Correspondence and Book Exchange between the Russian Orientalists and Muslim Intellectuals in the Beginning of the 20th Century

Anton Ikhsanov — Higher School of Economics University (Moscow, Russia). antonx2301@icloud.com

This article deals with the correspondence between the Russian orientalists and their informants, Muslim intellectuals of the Russian Empire. It reveals the impact of the practice of correspondence on the process of knowledge formation about the Muslim regions of the Empire. This task requires the concentration on the conditions of such practice. Subsequently, it is important to study different methodologies of the explication of the meanings the main actors use in their texts. The senior generation of Muslim intellectuals were interested in Orientalists' abilities to preserve the local knowledge and provide the inter-generational transition. The younger generation of intellectuals were seeking new communicative methodologies to ensure further progress of their communities. These factors were the basis of interaction between different groups of experts. This interaction led to the reconfiguration of the knowledge about the Muslim communities in the modern era.

Keywords: Oriental studies, Orientalism, correspondence, methodology, Central Asia, Volga region, gift, modernism.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ в 2020 году.

Востоковеды и сети взаимодействия

ЭТА статья посвящена изучению переписки между востоковедами и их мусульманскими корреспондентами из Поволжья, Крыма, Закавказья, Центральной и Малой Азии в начале XX века. Основная цель статьи — анализ социальных сетей в контексте процесса формирования знания об этих регионах. Перед нами стоят два исследовательских вопроса. Во-первых, как стала возможна и каким законам подчинялась прямая коммуникация между востоковедами и мусульманскими интеллектуалами Российской империи? Во-вторых, оказывали ли эти контакты влияние на формирование знания о рассматриваемых регионах в имперских центрах и, если да, то можем ли мы вслед за Верой Тольц, Сюзанной Хешл и Умаром Рийадом¹ утверждать, что востоковеды и местные информанты были партнерами в процессе производства знания? Или, согласуясь с логикой «Ориентализма» Эдварда Саида и критическими высказываниями мусульманских интеллектуалов об ориентализме², мы можем говорить о конфликтности повесток двух сообществ и различии тех смысловых интерпретаций, которые они создавали в ходе конструирования знания о народах Азии и Африки?

Связь коммуникации и процессов производства знания уже давно осознана в научной литературе. Часто попытки раскрыть эту тему предполагали особое внимание к вопросу понимания/недопонимания субъектами идей и взглядов друг друга. В последнее время, однако, фокус сместился к исследованиям «стратегий повседневного взаимодействия в многоязычных сообществах, которые не требуют взаимопонимания, но допускают общие действия»³. Даже при таком взгляде значимым является фактор различий, сопряженный с изучением агентности производителей знания. Именно различия способствуют появлению различных интерпретаций, постоянной переработке полученных сведений,

1. Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013; Heschel, S., Ryad, U. (2019) *The Muslim Reception of European Orientalism: Reversing the Gaze*. London and New York: Routledge.
2. Çelik, Z. (2021) *Europe Knows Nothing About the Orient: A Critical Discourse from the East (1872 –1932)*. Koç University Press.
3. Feichtinger, J. (2020) “Introduction: Interaction, Circulation and the Transgression of Cultural Differences in the History of Knowledge-Making”, in Feichtinger, J., Bhatti, A., Hülbauer, C. (eds) *How to Write the Global History of Knowledge-Making: Interaction, Circulation and the Transgression of Cultural Difference*, pp. 1–29. Springer.

выстраиваемых в новые структуры знания, а агентность формирует стратегии взаимодействий и обмена данными. Наша задача заключается в осознании механизма коммуникации, влияния механических аспектов переписки (языков, обмена письмами, поддержания формы письма) на выстраивание смысловых каналов. В некотором смысле анализ этого процесса переписки может быть вписан в исследовательскую программу акторно-сетевой теории, которая приравнивает технические средства к субъектам коммуникации, рассматривает дискурсивную сторону практики как один из компонентов производства знания⁴.

Однако мне хотелось бы задать несколько иной фокус, смещенный в сторону самого понятия «практики». Выбор той или иной практики производства знания, безусловно, зависит от того, что субъект-производитель знания считает «эпистемологическими добродетелями». Под этим подразумевается стремление не просто узнать, сформулировать новое знание и разъяснить его, а подчинить его определенным критериям научности, которые сам субъект полагает смыслообразующими во всем процессе. Практики исследования — это не просто действия, инфраструктура производства знания, а сложные структуры, включающие в себя свои «сети убеждений», сливающиеся с этосом специалиста. Тем самым исследователь, обращающийся к производству нового знания, формулирует свое видение критериев, которым должно соответствовать это знание, исходя как из собственного представления о его природе, так и тех свойств, которые заложены в используемых им исследовательских практиках. Критериями, которыми руководствуется субъект, могут выступать, например, убежденность в «объективной истине»⁵ или желание опровергнуть установившиеся концепции, исходя из опыта реализации той или иной практики.

Если мы обратимся к нашему конкретному примеру, то увидим, что востоковеды XVIII–XIX вв. не доверяли «живым носителям знания о прошлом» и устной форме передачи знания⁶. Лишь

4. Meredith, M. (2009) "Friendship and Knowledge: Correspondence and Communication in Northern Trans-Atlantic Natural History, 1780–1815", in S. Schaffer, L. Roberts, K. Raj, J. Delbourgo (eds) *The Brokered World: Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820*, pp. 151–193. Watson Publishing International LLC.
5. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018.
6. В частности, в своих дневниках Александр Самойлович, один из главных действующих лиц этой статьи, описывает дискуссию с одним из своих учителей Николаем Ивановичем Веселовским (1848–1918). Студент предложил провести серию ин-

методологический поворот начала XX века привел к прямой коммуникации и стремлению согласовывать разработки востоковедов с представителями стран Азии и Африки⁷. Однако само это согласование было наполнено внутренними разрывами и методологическими нюансами, которые, в итоге, выдвигали на первый план «эпистемологическое насилие» со стороны востоковеда, имевшего заключительное слово в трансляции полученной информации для международной аудитории⁸.

Публикация переписки — давно не новация в историографии востоковедения, в том числе и российского. Проблема заключается в том, что публикуются либо переписки самих востоковедов между собой⁹, либо единичные примеры писем «восточных корреспондентов»¹⁰. Зачастую мы видим попытки контекстуального анализа переписки, не учитывающие ни особенности истории эмоций, ни иные историографические концепции¹¹.

В этой статье я сосредоточусь на анализе более чем тридцати писем интеллектуалов из Крыма, Туркестана и Поволжья, сохранившихся в архивных фондах, связанных с именами двух российских востоковедов — Александра Николаевича Самойловича (1880–1938) и Василия Владимировича Бартольда (1869–1930), которым и была адресована эта корреспонденция. Статья построена на критическом дискурсивном анализе практики переписки, сосредотачиваясь на выстраивании социальных сетей

тервью с туркменскими старейшинами как «свидетелями недавнего прошлого бывшей свободной Туркмении». Профессор возражал против этой идеи молодого востоковеда словами: «Ну что это за истории! Мало ли что они наврут!». Впрочем, как замечает Самойлович, Веселовский и сам активно использовал устные предания, дополняя нехватку источников. Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ). Ф. 671. Д. 78. Записная книжка 1. Л. 39–40.

7. Herman, P. (2019) “Introduction: Scholarly Personae in the History of Orientalism, 1870–1930”, in *Scholarly Personae in the History of Orientalism, 1870–1930*, pp. 1–17. Leiden-Boston: Brill.
8. Trüper, H. (2020) “Epistemic Vice: Transgression in the Arabian Travels of Julius Euting”, in *Scholarly Personae in the History of Orientalism, 1870–1930*, pp. 64–99. Leiden-Boston: Brill.
9. Из последних изданий: Ананьев В., Бухарин М. «Имена, которые никогда не будут забыты...»: Российское востоковедение в переписке В. В. Бартольда, Н. Я. Марра и С. Ф. Ольденбурга. М.: Варфоломеев А. Д., 2020.
10. Зайцев И., Котюкова Т. «Шейх» и «мугаллим-устан»: письма Исмаила Гаспринского Александру Самойловичу // *Minbar. Islamic Studies*. 2020. № 13 (3). С. 513–537.
11. Одно из исключений: Bustanov, A. (2019) “On Emotional Grounds: Private Communication of Muslims in Late Imperial Russia”, *Asiatische Studien — Études Asiatiques* 73(4): 655–682.

взаимодействия, их развитии и функционировании. В отдельном подразделе анализируются механические и аналитические языки переписки, показывающие неоднозначности и разрывы в попытке передачи информации от одного субъекта коммуникации к другому. Моя задача — наметить те «болевы́е точки», которые можно более структурно рассматривать в качестве базовых элементов «ориентализации» востоковедного знания.

Безусловно, хронологический разброс документов — от 1906 до 1938 года — означает охват нескольких крупных и достаточно разнородных периодов. Но для настоящего исследования значимым является именно внимание к интертекстуальности — взаимодействию элементов текстов между собой.

Современные подходы к истории российского востоковедения начала XX века

История востоковедения, особенно попытка выделения отличительных черт именно российской школы этого академического направления уже давно является поводом для дискуссий. В 2005 году на страницах академических журналов был опубликован диспут, позднее вошедший в сборник «Российская империя в зарубежной историографии». Дискуссанты, Натаниэль Найт, Адиб Халид и Марина Тодорова, обсуждали возможность применимости модели, предложенной Эдвардом Саидом, к российскому академическому востоковедению. Анализируя историю формирования знания о Ближнем Востоке в европейской науке и культуре, Саид обнаружил прямую связь между дискурсом — распространением через циркуляцию текстов образов, нарративов, подчиняющихся европейской логике и видению — и вопросом политического управления, развитием колониальных режимов. Саид показал, что «Восток» был искусственным, виртуальным образованием, не имевшим связь с реальными странами и народами Азии и Африки¹². В то время как Найт писал о специфичности рассмотренных им частных случаев в России, утверждая, что востоковеды-академики стремились к коммуникации с «Востоком», а не созданию гомогенного дискурса образов, Халид и Тодорова достаточно явственно аргументировали не просто возможность, а необходимость использования логики «Ориентализма»

12. Young, R. (2001) "Edward Said and Colonial Discourse", in *Postcolonialism: an Historical Introduction*, pp. 383–395. Blackwell Publishing.

в российском контексте, отталкиваясь от дихотомичности применяемой востоковедами методологии (цивилизационного подхода со строго ограниченными границами «Запада» и «Востока») ¹³.

Эту же тему позднее, в 2011 году продолжила Вера Тольц в книге «Собственный Восток России». Исследовательница предлагала пересмотреть значение наследия учеников школы барона Виктора Романовича Розена (1849–1908). Тольц утверждала, что специфика российской школы заключалась в значительном влиянии местных информантов на мысль имперских экспертов, создававших знание о «Востоке» ¹⁴. Эта позиция практически сразу была подвергнута критике на основании сравнительного изучения деятельности востоковедных сообществ в Британской и Российских империях. Оказалось, что и британцы активно рекрутировали в свои институты местных информантов, получая от них сведения по широкому кругу вопросов. Однако доминирование иерархий в структуре знания и постоянный, пусть даже и косвенный, обмен знанием между востоковедами-практиками (военными, колониальными администраторами) и востоковедами-академиками приводили к продолжению противоречивых тенденций и доминированию ориентализма ¹⁵.

Последнее утверждение было доказано и в книге Дениса Волкова «Российский поворот к Персии: ориентализм в дипломатии и разведке» ¹⁶. В этой книге анализу подвергаются переплетенные сети связей между академиками и практиками в контексте изучения Ирана. Автор особо отмечает связь между этими группами, основанную на зависимости от обмена материалами и аналитикой. Тем самым он находит подтверждение тезису о связи знания и власти, воспринятом Саидом от Мишеля Фуко. С другой стороны, Волков пытается связать эти группы единой эпистемой — совокупностью идейных направлений в вопросах познания. По мнению исследователя, русские востоковеды стремились к созданию «инклюзивного» имперского сообщества, что сочетало в себе как элементы «цивилизационной миссии»,

13. *Верт П., Кабытов П., Миллер, А.* Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 310–360.

14. *Тольц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период.

15. Morrison, A. (2009) “Applied Orientalism’ in British India and Tsarist Turkestan”, *Comparative Studies in Society and History* 51(3): 619–647.

16. Volkov, D. (2018) *Russia’s Turn to Persia: Orientalism in Diplomacy and Intelligence*. Cambridge University Press.

так и вопрос доминирования Российской империи. В некотором смысле это утверждение можно рассматривать как «призму», влиявшую на видение локальных сообществ востоковедами. Необходимо отдельно обозначить тот факт, что все участники дискуссии соглашались с особым влиянием европейской традиции (в особенности, немецкого позитивизма) на российскую академическую науку.

Итак, востоковедение во всех этих работах рассматривалось как феноменологическое поле, которое согласовывалось с некоторым набором базовых интенций дискурса Саида (или того, как их понимали авторы). В отличие от эмпирических исследований востоковедения, пытавшихся отслеживать академические, методологические и институциональные генеалогии¹⁷, эти исследования сосредоточились на двух факторах — связке производства знания и власти и вопросе о значении диалога между локальными информантами и исследователями. И если первый вопрос в общих чертах был разрешен в пользу логики Саида, то второй по-прежнему требует более тщательного изучения, именно как пример непосредственной социальной практики, оказавшей влияние на видение востоковедов.

В 2018–2021 годах была опубликована целая серия коллективных и индивидуальных монографий, посвященных истории востоковедного знания в Европе в начале XX века. Эта группа материалов постаралась перевести фокус с феноменологии на особенности развития методологии академического востоковедения в рассматриваемый нами период.

Весьма важное место в этих рассуждениях занимает роль колониальных посредников. Еще в начале 2000-х годов Капил Радж опубликовал серию работ, призывающих отказаться от дихотомичности восприятия процесса конструирования знания. Радж отметил, что без огромного количества «посредников» (*in-betweens*), создание какого-либо знания о Южной Азии было невозможно. Сети посредников показали, насколько сложен процесс получения, перевода и циркуляции текстов об этом регионе. Специалисты продемонстрировали интересную перспективу, в которой колонизируемые оказались не молчаливыми получателями колониального знания о самих себе, а активными

17. См., например, *Благова Г. История тюркологии второй половины XIX — начала XX вв. в России. М.: Восточная литература, 2012.*

актерами его производства¹⁸. В таком случае сами колониальные архивы, включая работы востоковедов, представляют из себя «овеществленную» встречу, артефакт, заключающий в себе информацию об этом социальном взаимодействии и обладающий онтологической властью, возможностью конструирования последующих политических решений¹⁹.

Пытаясь более предметно рассмотреть смысловые массивы этих артефактов, работы 2018–2021 годов в основном сконцентрированы на периоде второй половины XIX — начале XX века. Анализируя этот период, авторы отмечают сразу несколько крупных перемен в контексте описываемого взаимодействия. Прежде всего, речь идет о появлении новых способов распространения знания — за счет появления телеграфа²⁰ — и повышения мобильности населения вследствие развития инфраструктуры²¹. Эти факторы дополнялись изучением современных языков и культур, что способствовало появлению новых академических сообществ по всей Европе. Однако ключевая задача коллективных монографий, например, уже упомянутой выше книги «Ученая персона в истории ориентализма, 1870–1930» заключалась в том, чтобы переключить внимание с диахронии на синхронию, то есть контекстуализировать конкретный методологический поворот, предопределивший, в том числе, сложение системы коммуникаций между «восточными» и «западными» учеными. Авторы обоих сборников последовательно показывают, что в обозначенный период появился новый тип «этоса» востоковедов, многие из которых были выходцами из национальных меньшинств европейских государств (например главные герои этой статьи: Василий Бартольд — немец, и Александр Самойлович — украинец) и мусульманских интеллектуалов.

Для нового поколения «либеральных» востоковедов значительную роль играла борьба с расизмом, осуждение старшего по-

18. Raj, K. (2009) "Introduction", in S. Schaffer, L. Roberts, K. Raj, J. Delbourgo (eds) *The Brokered World: Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820*, pp. IX–XXXVIII. Watson Publishing International LLC.

19. Roque, R., Wagner, K. (2011) "Introduction: Engaging Colonial Knowledge", in *Engaging Colonial Knowledge: Reading European Archives in World History*, pp. 1–35. Palgrave Macmillan.

20. Kuzuoglu, U. (2020) "Telegraphy, Typography, and the Alphabet: The Origins of Alphabet Revolutions in the Russo-Ottoman Space", *International Journal of Middle East Studies* 52(3): 1–19.

21. Herman, P. "Introduction: Scholarly Personae in the History of Orientalism, 1870–1930".

колениа, замкнутого на разработке конфессиональных дихотомий, и попытка пересмотреть дисциплинарные основания, как за счет использования этнографических методов в комбинации с классической филологией, так и за счет протоструктуралистских идей. В свою очередь, ознакомление с работами востоковедов провоцировало жесткую критику мусульманских интеллектуалов. Начиная с критики работ Эрнеста Ренана (1823–1892)²², через призму сарказма, возмущения и гнева, используя различные публицистические приемы, апеллируя как к европейским работам, так и к источникам исламского права, османские интеллектуалы осуждали европоцентризм, предвзятое отношение к исламу и анализировали дискурс прогресса в европейской культуре, критикуя его приложение к мусульманским сообществам.

Как верно показала в своих статьях Ольга Бессмертная, анализируя схожие процессы среди мусульман Российской империи, это действие может свидетельствовать о двух важных тенденциях: во-первых, появлении конвенционального пространства смыслов, в котором нарратив востоковедов был понятен мусульманским интеллектуалам, а потому и критикуем; во-вторых, в развитии культурного билингвизма, то есть участия мусульманских интеллектуалов в обороте текстов на других языках. Иными словами, мусульмане понимали, что о них пишут, как пишут и зачем²³. Подобная ситуация провоцировала газетные и журнальные обсуждения, которые позже могли стать начальной точкой для обмена письмами. Уже в рамках межличностной коммуникации, в письмах, участники дискуссий могли «расставить все точки над *i*», разъяснить свою позицию, снимая ограничения, наложенные публицистикой.

Однако понимали ли востоковеды то, что им пытались сказать мусульманские интеллектуалы? Как они реагировали на критику? В монографии «Ориентализм, филология и неразборчивость современного мира» немецкий исследователь Хеннинг Трюпер пытается проанализировать этот вопрос, обращаясь к истории семантики. По мнению исследователя, чтение — базовая операция

22. Речь идет о лекциях Ренана «Место семитских народов в истории цивилизации» (1862) и «Ислам и наука» (1883), изданных, в том числе, в переводе на русский язык.

23. Бессмертная О. Понимание истории и идентичность автора в возражениях Атауллы Баязитова Эрнесту Ренану // *Islamology*. 2019. Т. 9. № 1–2. С. 54–82; Бессмертная О. Только ли маргиналии? Три эпизода с «мусульманским русским языком» в поздней Российской империи // *Islamology*. 2017. Т. 7. № 1. С. 140–179.

любой гуманитарной науки — это механизм экспликации смыслов из текста. Востоковедение, как подраздел классической филологии, трактует текст чрезвычайно широко. В этом и заключается один из первых «грехов» востоковедного этоса. Если для антропологии значимым является восприятие субъективности, «объема человеческих действий» (*human volume*)²⁴, то востоковедение — это апофеоз текстуальности. Рассматривая пример самоубийства эфиопского знатока литературы Наффа' вад 'Этмана (1882–1909), привезенного в Европу Энно Литтманом (1875–1958), Трюпер показывает, что для немецкого востоковеда Наффа' не был обладателем собственных чувств и эмоций, а воспринимался в широком культурном контексте через призму нарративов, которые сам Литтман полагал регулирующими для эфиопского общества. Поэтому востоковед остался глух к просьбам информанта оставить его при университете в Европе, что и привело к трагическому концу этой истории. Иными словами, анализируя тексты, людей как тексты, артефакты как тексты, востоковеды соотносили их не с их конкретизацией, специфичностью и субъективностью, а с большим континуумом локальной культуры, некой традицией (отчего и допускали слом темпоральности, переплетая прошлое и настоящее в своих исследованиях²⁵) и искали идеальные типы (чистый образец исследуемого феномена). Тем самым востоковеды того времени, по мнению Трюпера, производили колоссальное количество значений, которые релятивизировали саму структуру произведенного ими знания. Кроме того, это вновь вызывает на повестку дня вопрос о насилии, заключенном не в конкретных действиях, а в самом методе восприятия Других и их знания²⁶.

В контексте переписки эта идея важна по двум причинам. Во-первых, переписка сама по себе представляет абсолютную текстуальность. Это не просто текст, а встреча в формате текста (вспомним указанный выше концепт «овеществленной встречи»), где и собеседники представлены именно как тексты. Значит, переписка подчиняется тем же методологическим основаниям, которые Трюпер воспринимает как «эпистемологические грехи» востоковедения. Во-вторых, переписка, как и любой чи-

24. Piette, A. (2019) *Theoretical Anthropology or How to Observe a Human Being*. Vol. 1. Wiley.

25. В этом контексте следует рассматривать и вопрос о названии журнала «Живая старина», издававшийся с 1890 по 1916 год Русским Географическим Обществом.

26. Trüper, H. (2020) “The suicide of Naffa' wad 'Etman”, in *Orientalism, Philology, and the Illegibility of the Modern World*, pp. 57–96. London: Bloomsbury Academic.

таемый текст, предполагает создание конвенционального поля смыслов. В теории чтения именно конвенциональное поле является границами для интерпретаций, которые устанавливает автор для читателя, создавая условие для функционирования текста²⁷. Автор изначально сужает область возможных значений, задавая траекторию экспликации смыслов читателем. Безусловно, текст, вышедший из-под авторского пера, мгновенно начинает жить «своей жизнью», влияние на которую оказывает большое количество факторов — от эмпирической формы (иллюстрации, оформление, состояние издания) до эпистемологических и онтологических свойств (например, обстановки и времени чтения). Однако установление границ интерпретаций является необходимым элементом, позволяющим задавать тексту содержательную полноценность и завершенность. Тем самым задача авторов писем не просто начать говорить на одном языке, а попытаться нащупать границы, в рамках которых оба участника обмена смогут не просто писать одно и то же слово (понятие), а вкладывать в него общее смысловое значение. Очевидно, что подобного рода поиски требуют большого внимания и знания, преодоления разрывов как в плане культурных различий, так и в отношении чувств и эмоций, ломающих границы эпистемологической недосказанности²⁸.

Переписка как практика: «экономика знания»

Обратимся теперь к переписке Самойловича и Бартольда с их «восточными» корреспондентами. Оба исследователя, действительно, принадлежали к новым поколениям востоковедов, появившимся во второй половине XIX — начале XX века. В их работах хорошо заметна попытка изменить методологию. Например, Бартольд значительное внимание уделял разъяснению своего позитивистского метода (который на деле оказывается скрыто структуралистским)²⁹. Самойлович также обращается то к позитивистским европейским публикациям, то к материалам этнографов, то к яфетической теории. В первоначальную

27. Towsey, M. (2019) *Reading History in Britain and America, c.1750–c.1840*. Cambridge University Press.

28. Trüper, H. (2020) “The Archive of Epigraphy”, in *Orientalism, Philology, and the Illegibility of the Modern World*, pp. 97–162. London: Bloomsbury Academic.

29. Батунский М. Россия и Ислам. Том 3. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 70–75.

задачу Самойловича входило изучение живых говоров тюркоязычного населения Центральной Азии, Поволжья и Крыма. Руководствуясь этой целью, с 1900 года исследователь постоянно находился в экспедициях (за исключением периода 1917–1918 годов) и прямой коммуникации с теми представителями тюркоязычного населения Российской и Османской империй, которые учились или работали в Петербурге/Ленинграде и Москве³⁰. В настоящее время в архивах Санкт-Петербурга сохранилось более сорока четырех писем, открыток и дарственных надписей, адресованных Самойловичу или переданных ему и написанных в период с 1900 до 1936 годов. В этот список входят лишь письма, написанные на тюркских языках: туркменском, узбекском, крымско-татарском, османском и татарском. Бартольд был не менее активен в своей корреспонденции. В настоящей статье использованы материалы его переписки с Ахмед-Зеки Валидовым (1890–1970), на тот момент начинающим тюркологом и учителем из Поволжья, который впоследствии станет политической фигурой и внесет важный вклад в развитие академического знания о Туркестане. Этот материал вполне демонстрирует то, как выстраивалась и функционировала коммуникация между востоковедами и их информантами.

Изначальная точка отсчета любой переписки — это встреча³¹. Встреча происходила либо на страницах прессы, в рамках дискуссий, либо в поле, во время экспедиций. Самойловича неслучайно называли «поездочным человеком»³². Многочисленные поездки способствовали генерации связей и социальных сетей. Однако этому предшествовала значительная подготовительная работа. Так, в архиве Института Восточных Рукописей РАН содержатся литературные письма туркменского секретаря колониальной администрации Ходжели-моллы Муратберды-оглы (дата рождения 1860)³³. Точная их датировка не установлена, но, вероятно, первое письмо, адресованное русскому военному туркменского происхождения Николаю Николаевичу Йомудскому

30. Самойлович А. Н.: научная переписка, биография / сост., автор статей и биографии Г. Ф. Благова. М.: Вост. лит., 2008.

31. Meredith, M. "Friendship and Knowledge: Correspondence and Communication in Northern Trans-Atlantic Natural History, 1780–1815", pp. 151–191.

32. Самойлович А. Н.: научная переписка, биография.

33. Институт Восточных Рукописей РАН (ИВР РАН). Рукописный архив. Арабграфичный фонд. Документ С-162.

(1868–1928) датируется 1905–1906 годами.³⁴ Точную дату можно определить по указанию на назначение офицера Федора Михайлова (дата рождения 1862) руководителем Мервского уезда Закаспийской области и возникшему в этом уезде споре о воде. В этом письме Ходжели-молла дает свои пояснения к тексту «Книги рассказов о битвах текинцев», которая ляжет в основу диссертации Самойловича³⁵. Очевидно, что связь между Ходжели и Самойловичем складывалась через посредничество Йомудского. Йомудский был колониальным администратором, руководившим Тогтамышским приставством Мервского уезда (1895) и Дурунским приставством Ахальского уезда (1898) Закаспийской области³⁶. Документы Российского государственного исторического архива (РГИА)³⁷ и письма Ходжели свидетельствуют о том, что Йомудский создал сеть информантов, сообщавших ему о происшествиях в области и собиравших данные о произволе колониальных чиновников. Об этом, в частности, свидетельствует одно из писем Ходжели, адресованное как Йомудскому, так и Самойловичу, содержащее в себе описание спора о распределении воды в Мервском уезде. Начало этого письма информанта наглядно характеризует его отношения как с колониальным администратором, так и с востоковедом:

После воздаяния хвалы Всевышнему, [...] Вам, дорогой и уважаемый хозяин благочестия, достойный величия и уважения, наш приятель со старинных времен, господин Йомудский, и детям [Вашим], дозволенным и [подобным] источникам света и любимым, и другим его добрым родственникам, приятелям и друзьям и нашему новому другу, дорогому брату, доброму и умнейшему Искендер-хану.

После приветствия и молитвы, да будет известно Вашей светлости, и я извещаю об этом, что тут все здоровы, но среди народа Мары (*Mary halky*) возникла Отамыш-Тогтамышская распря [из-за] реки (*derja dawasy bolupdyr*). Говорят, народ Отамыш из-за немного-

34. Annamammedow, M. (1994) "Halk göreşleriniň çeper ýazgysy", in *Abdysetdar Kazy. Žeňnama. Tekeleriň uruş kyssa kitaby*, p. 10. Aşgabat.

35. Самойлович А. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М.: Вост. лит., 2005. С. 353–562.

36. Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 г. М.: Восточная литература, 2005. С. 250.

37. В частности, материалы ревизии сенатора Константина Палена (РГИА. Ф. 1396); Morrison, A. (2013) "The Pahlen Commission and the Re-Establishment of Rectitude in Transcaspia, 1908–1909", *Monde(s)* 4: 45–64.

численности до сего времени имел 2/5 доли воды (*hyssa*) по количеству душ. Руководящие старейшины Мухаммад-Дилмач [и] Топы-бай сговорились между собой и потребовали равноценную часть воды (*deñ ýarysy*) для Отамышцев на большом собрании (*maslahat*). Но старейшины Тогтамышцев Амир Геокча, Атаджык Конгур Сертиб и еще Дурды Мурад бай и [остальные] Тогтамышцы недовольны. И так как они между собой очень недружны, то они делают народу Тогтамыш всякие хитрости (*şeytanlyk salanlar*). Мухаммед Берды и Бай Назар, говорят, по той причине, что кто-то из них уходит со службы, а кто-то из них подает жалобы, они противопоставили себя народу (*ilat*). И тем самым они подают плохой пример людям. В глазах хороших людей они не могли считаться хорошими³⁸.

В конце письма приводится большой список различных пословиц, поговорок и запись стихотворений, предназначавшиеся для Самойловича. К этому же разряду документов следует отнести два рекомендательных письма, написанных русским офицером, одним из лидеров мусульман Петрограда, бывшему приставу Кара-калинского приставства Абдульазизом Давлетшиным (1861–1920), перед экспедицией тюрколога в Закаспийскую область. В этих письмах Давлетшин представляет Самойловича местным старейшинам, Мухаммед-Ораз хану и Менгли хану. Датированные июнем 1906 года, эти письма предшествуют поездке, в ходе которой Самойлович посетил ряд регионов области (Мервский и Ахальский уезды и остров Челекен) с 23 августа 1906 по 12 января 1907 года. Рекомендательные письма свидетельствуют об изменении маршрута экспедиции и причинах этого. Так, первое письмо, адресованное «*уважаемому Мухамет-Ораз-хану (скончался) и другим старейшинам Гара-гала и Чандыра*»³⁹ имеет карандашную приписку Самойловича у имени хана — «скончался» (*öldi*). Из этого следует, что исследователь вел тщательную подготовку и отбор информантов, согласуясь с мнением людей, уже имевших опыт работы в области. Однако случались и спонтанные встречи, связанные с желанием самих мусульманских интеллектуалов познакомиться с востоковедом. В частности, к таким письмам относится записка татарского писателя и поэта Фатиха

38. «Искендер-хан» — обращение к Александру Самойловичу. Перевод — мой и Сареева Т. А. ИВР РАН. Рукописный архив. Арабиграфический фонд. Документ С-162. Письмо VI.

39. Перевод — мой. В концовке письма Давлетшин указывает, что являлся бывшим приставом этого региона. СПбФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 18.

Амирхана (1886–1926) в период пребывания Самойловича в Казани (16 апреля 1925 года)⁴⁰. Наконец, встреча могла происходить и на страницах прессы. Яркий пример — дискуссия о публикациях Бартольда в татарской периодической печати, о которой будет сказано ниже.

Встреча, как правило, сопровождалась даром. Антропологи неслучайно такое большое внимание уделяют обмену дарами — этот процесс играет значимую роль в создании коммуникативного поля. Особенно акцентирована связь между физическими объектами (в том числе дарами) и сообществами в уже упомянутой мною выше акторно-сетевой теории коммуникации, в рамках которой любой физический объект получает социальный смысл. Двойственность дара заключается в том, что начало обмена предполагает и некоторую завершенность действия, чьей кульминацией и является вручение дара. Тем самым предварительная работа и посредничество колониальных администраторов подходили к своему концу, предполагая начало новой цепочки взаимодействий. Дарение предполагает также одну из форм символического насилия, помещая субъекта в ситуацию, когда он вынужден начать собственное действие в ответ на действие иного субъекта. Причем это насилие может быть не только открытым побуждением, но и скрытыми мотивами, которыми руководствуется субъект⁴¹.

Обмен дарами сопровождает всю деятельность Самойловича. В своих статьях он, в частности, указывает:

По доброму восточному обычаю я обменивался с туземными своими знакомыми подарками и в Ташкенте, и впоследствии в Хиве; как люди книжные, мы подносили друг другу литературные памятки, и мне оченьгодились для этой цели издания Ильяса Мурзы Бораганскаго: 1) миниатюрный Коран и 2) сура Ясин из известного Корана Османа»⁴².

Упомянут подарки Самойловича в своих письмах и Ходжели-молла («Кроме того, получил отправляемую в качестве подарка

40. СПбФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 3.

41. Miyazaki, H. (2004) *The Method of Hope: Anthropology, Philosophy, and Fijian Knowledge*. Stanford, California: Stanford University Press.

42. Самойлович А. Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и Хивинское ханство командированного СПб Университетом и Русским комитетом приват-доцента А. Н. Самойловича в 1908 г. ИРКСА. № 9. С. 15–29.

книгу Шейбани наставника Абдурахмана. Да воздаст Вам в обоих мирах с тем, что пожелает Ваша душа вечный и милосердный [Бог]»⁴³), и крымско-татарский интеллектуал Исмаил Гаспринский («Благодарю Вас за присланные Вами прекрасные брошюры и Шейбанинаме⁴⁴. Воистину, очень ценные и добрые подарки. Взяв эту книгу в руки, я словно оказался в Туране; Вам же известно, что я люблю Туран»⁴⁵).

В свою очередь, корреспонденты отправляли в Петербург большое количество текстов, связанных с историей и культурой. Некоторые из писем, сохранившихся в архивных фондах, — это, прежде всего, записки, приложенные к изданиям. Например, письмо богослова Мусы Бигиева (1873–1949)⁴⁶. Сохранилось и несколько изданий с дарственными надписями, адресованными Самойловичу от таких интеллектуалов, как Осман Акчокраклы (1879–1938), Ахмет-Зеки Валидов, Миян-Бузрук Салихов (1891–1938) и другие⁴⁷.

Но речь не всегда велась о «дарах» как о конечном процессе. Самойлович вряд ли вообще мыслился конечным реципиентом текстов, по мнению его корреспондентов. Он был одним из участников сети, цепочек передачи знания, циркуляции текстов. Судя по указанию Ходжели «И еще я хотел бы обратиться к Вам с просьбой, если Вы издали книгу «Огузнаме», размножили ее, если не трудно, отправьте мне копию. Если трудно, то не страшно»⁴⁸, информанты понимали, что возможности исследователя облечь эти тексты в новую форму печатной книги — и сохранить цепочку передачи — гораздо значимее, чем проведение собственных исследований Самойловича. Впрочем, использовавшаяся по отношению к нему терминология, например, слова «*молла*» (умный человек), «*устод*» (учитель) и др. свидетельствуют о признании за Самойловичем права на обмен

43. Перевод мой и Слесарева Т. А. СПбФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 46. Л. 3.

44. В 1908 году Самойлович закончил предисловие и указатели к изданию «Шейбанинаме», подготовленного к публикации его учителем Платоном Михайловичем Мелиоранским, скончавшимся в 1906 году. *Самойлович А. Тюркское языкознание*. Филология. Руника. М.: Вост. лит., 2005. С. 335–353.

45. Перевод — мой и Халила Ибрахима Шахина. СПбФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 14.

46. ОР РНБ. Ф. 671. Д. 228.

47. *Асватуров А.* Книги из библиотеки академика А. Н. Самойловича в фонде ОНЛ // 12 Международная конференция Крым 2005: библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса. [<http://gpntb.ru/win/inter-events/crimea2005/disk/144.pdf>, доступ от: 06.07.2021].

48. Перевод — мой и Слесарева Т. А. СПбФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 46. Л. 2 об.

знанием. Самойлович приводит у себя в дневниках эпизод, когда он сумел пообщаться с муллою на философские темы. Знание Самойловичем исламской этики, дискурсивного языка расположило его собеседника, который даже предложил исследователю принять ислам. Описание этого разговора вызвало справедливый вопрос Паоло Сартори: «а было ли знание ключом к состоянию сопереживания и противоядием от отчуждения?»⁴⁹ Иначе говоря, вопрос Сартори обращает наше внимание на то, признавали ли мусульмане тюрколога участником процесса циркуляции текстов, движения знания.

И, безусловно, Самойлович и был медиатором для передачи некоторых писем и текстов. Так, на одном из сборников туркменской поэзии есть карандашная приписка: «Сделать копию для товарища Юнусова»⁵⁰. Узбекский литературовед Гази Алим Юнусов (1893–1938) в конце 1920-х годов действительно обратился к Самойловичу с просьбой принять его в студенты Ленинградского Восточного Института, новой структуры, образованной в рамках реформы востоковедения в СССР⁵¹. Юнусов содействовал написанию ряда работ Самойловича, в частности, по вопросам изучения туркменской литературы⁵². Впрочем, всегда автором статей был именно ленинградский тюрколог, в то время как Юнусов и его вклад упоминался в самих статьях, что вновь отсылает к вопросу асимметрии производителей знания.

Обращение к узбекским ученикам Самойловича показывает еще одну функцию дара — переформулирование ролей в коммуникационной ситуации. В 1925–1926 годах связи между СССР и Турцией развивались достаточно динамично. Однако по отдельным направлениям наблюдались и перспективы будущих конфликтов⁵³. Проводившаяся в СССР политика коренизации, хоть и давала локальным сообществам первенство в разработке национальных историографий, литературных историй и методик,

49. Sartori, P. (2018) "On Strangers and Commensurability in Eurasia: A View from 'the North'", *The Indian Economic and Social History Review* 55(1): 144.

50. ИВР РАН. Рукописный архив. Арабографичный фонд. Документ D-21. Рукопись IV.

51. ОР РНБ. Ф. 671. Д. 333.

52. На основе разработок Юнусова были написаны статьи Самойловича «Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке» и «Шейбани-хан и Боз-Оглан (к вопросу о влиянии туркменской литературы на узбекскую)».

53. Şen, C. (2006) *Stalin Dönemi Türk-Sovyet İlişkileri (1923–1953)*. Isparta: Süleyman Demirel Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü.

тем не менее, способствовала разрыву прежде установленных связей⁵⁴. В одном из писем, датированных 1936 годом, узбекский поэт Абдулхамид Сулейманов (Чулпан; 1898–1938) писал:

Далее, несмотря на бесцеремонность, я все же попрошу Вас: я хотел бы посмотреть хотя бы один образец турецкого стихотворного произведения последних лет. Поскольку после 1926 г. у нас нет никаких известий о той стороне, особенно избранных журналов по литературе⁵⁵.

Чулпан адресовал свою просьбу именно Самойловичу, поскольку знал, что Самойлович с 1931 года занимал должность в совместной академической комиссии СССР и Турецкой республики, а потому мог владеть подобными материалами⁵⁶. Тем более что прежде исследователь уже отправлял в Узбекистан несколько сборников турецкой литературы⁵⁷. Это изменение функций демонстрирует, что в системе обмена знаниями не было жестко регламентированных ролей.

Тем самым обмен корреспонденцией и книгами переплетаются друг с другом, создавая сложное содержание «экономики знания». Однако для ее функционирования необходима и инфраструктура.

Изучая вопрос инвестиций в инфраструктуру «экономики знания», исследователи выделяют две ключевых области, которые требуют «вложений» корреспондентов⁵⁸. Первой из них становится частный канал связи. В условиях цензуры и скорости почтового сообщения, одним из каналов коммуникации становится передача через неформальную цепочку посредников. Зачастую сам исследователь не был конечным адресатом писем, а должен был передавать их дальше. Или, как уже было указано выше, он сам получал извещения от посредников. Пример — переписка с Ходжели-моллой. В одном из писем туркменский

54. Khalid, A. (2015) *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. Ithaca and London: Cornell University Press.

55. Перевод — мой и Назировой Х. Б. ОР РНБ. Ф. 671. Д. 286. Л. 7.

56. Юсупова Т. Научные командировки российских востоковедов в Турцию, 1920–1930-е годы: цели и результаты // *Mongolica*. 2020. Т. 23. № 2. С. 49–53.

57. Из того же письма Чулпана: «Я получил Ваше благословенное письмо и две книги». ОР РНБ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 286. Л. 7.

58. Meredith, M. "Friendship and Knowledge: Correspondence and Communication in Northern Trans-Atlantic Natural History, 1780–1815", pp. 151–191.

секретарь указывает: «18 декабря я прибыл в Мерв и, написав это письмо, передал его главному доктору для отправки»⁵⁹. Имя врача известно — это Герман Епинатьев, киевский офтальмолог, имевший практику в Мерве. Именно в его доме останавливался Самойлович во время экспедиции в 1906 году. Епинатьев был не единственным посредником. В фонде тюрколога в ОР РНБ хранится записка от имени «А. Давентина», который указывает, что привез пакет от доктора Епинатьева⁶⁰. Письма Ходжели также предназначались для ряда адресатов в Петербурге. В ряде строк упоминаются Ашир-бек, первый туркмен, постоянно живший в столице империи, Махтумкули-хан, депутат от Закаспийской области в Государственной Думе. Одна из записок, адресованных Йомудскому, написанная на кириллице, содержит длинное приветствие, обращенное к знакомым в Петербурге⁶¹. Тем самым сети простирались гораздо дальше бинарной категории адресат/отправитель и могли задействовать большее количество людей.

Второй областью «инвестиций» следует признать вежливость. Здесь особо выделяются письма Ходжели-моллы, который соблюдал традицию корреспонденции, используя большие обращения на арабском, а также поэтические фрагменты для выражения своих эмоций. Яркий пример вступительной конструкции, сопровождавшейся формулой-оберегом, представлен в письме Самойловичу от 1909 года:

О Всепобеждающий! Цветок сада любви, павлин луга человечности, сладкоголосый попугай четырех садов мужества, добрый собеседник, привратник храма щедрости Хатым-Тайя, верный знак борьбы Рустама, о подножие трона царства [Божьего], и <...> Александр-хан, да приветствует его Аллах, единственный, могучий, непоколебимый, которому необходимо поклоняться, да пребудете Вы счастливы и радостны у его трона⁶².

Заключительная формула этого письма написана уже на чагатайском языке:

59. Перевод — мой и Слесарева Т.А. ИВР РАН. Арабографичный фонд. Документ С-162.

60. ОР РНБ. Ф. 671. Д. 188.

61. ИВР РАН. Арабографичный фонд. Документ С-162.

62. Перевод — мой и Слесарева Т.А. СПбФ АРАН. Ф. 782. Д. 46. Л. 3.

Да воздаст Вам в обоих мирах с тем, что пожелает Ваша душа вечный и милосердный [Бог]. Кроме отправки письма, довожу до Вашего сведения, что сжигаемый пламенем разлуки, Ваш старинный приятель, нижайший секретарь Ходжели-молла, молится о возможности увидеться с Вами. Воскресенье, 20-й день месяца Раби уль-авваль, года 1327 магометанского летоисчисления, по христианскому календарю март 1909⁶³.

Остальные письма содержат гораздо менее переполненные эпиграмматическими конструкциями. В частности, письмо поволжского учителя Габдулла Муллаяр-угли Муртазина, адресованное Давлетшину, написанное годом позже, начинается с конструкции «*Уважаемый дядя Азиз, мы возносим молитвы к Справедливому Всевышнему о Вашем здоровье*» — и завершается так: «Мы благословенно молим о Вашем здоровье и долгих годах жизни. Приветствуем. 25 февраля 1910 года»⁶⁴. Еще более краткими становятся формулы приветствия и прощания в советский период.

Элементы создания вежливого обращения играют не просто функциональную роль, они вводят в корреспонденцию значимую категорию доверия. Доверие — сложная социологическая категория, напрямую связанная с вопросом знания⁶⁵. Доверие служит передаточным элементом между собственным знанием индивида и реформатированием знания с учетом сведений иного субъекта. Анализируя переписку, мы можем обнаружить фрагменты, наглядно свидетельствующие о поиске методологических подходов восприятия себя. Причем мы находим их в разное время и с разных позиций, начиная от изучения локального наследия и попыток заимствования учебных программ до попыток подстроиться под новую методологию науки⁶⁶. Этот тезис встречается практически во всех письмах от Ходжели: «*Если Вы сочтёте достойными для службы Ваших друзей подобных Вам, привезите*

63. Там же.

64. Транслитерация — Салихов А., перевод — мой. В письме Муртазин излагает свою просьбу. СПбФ АРАН. Ф. 782. Оп 2. Д. 18.

65. Jiménez, A. (2005) "After trust", *The Cambridge Journal of Anthropology* 25(2): 64–78.

66. Из письма Гази Алима Юнусова: «*Мы, силы, приступающие к работе в области новейшей тюркологии Узбекистана, в самой высокой степени нуждаемся в Вашем научном руководстве и верим в положительные результаты для нас и для тюркологических работ, если мы будем работать под Вашим руководством*». Перевод — мой. ОР РНБ. Ф. 671. Оп. 2. Д. 333.

их в нашу страну» — до писем узбекских и туркменских коллег и учеников Самойловича 1930-х годов. Например, первый туркменский филолог Мухамет Гельдыев (1889–1931) писал:

По моей грамматике Вам видно, что у меня могут быть серьезные ошибки ввиду малограмотности и небольшого опыта, но эта работа написана на основе данного опыта. Все же, мы надеемся, что внесем необходимую правку, руководствуясь Вашими знаниями, поскольку Вы, уважаемый, тот человек, который уже 20–30 лет дено и ношно неустанно работает над изучением туркменского языка и литературы⁶⁷.

Интересна и упомянутая уже выше просьба учителя Муртазина:

Уважаемый дядя Азиз, если возможно, если есть лекции профессоров восточного факультета по арабскому языку — не возьмете ли на себя любезность [отправить их]. Потому что (?), здесь среди знатоков начались дискуссии о необходимости более простого метода изучения арабского языка⁶⁸.

Муртазин обращается к Давлетшину, авторитетному и знающему человеку. Однако сам Давлетшин пересылает письмо Самойловичу, профессору университета, с припиской «Можно ли удовлетворить любознательность автора письма на татарском языке. Своими указаниями бесконечно меня обяжете»⁶⁹.

Признание за Самойловичем права на знание и понимание наличия у него знания иного рода (методологии) — вот из чего складывалось начало сотрудничества. Готовность исследователя учиться, воспринимать знание, издавать тексты, распространять их, тем самым продолжая их циркуляцию, — также создавали возможность для взаимодействия.

Ключевым вопросом для нас остается процесс понимания полученной информации со стороны востоковедов. И, как кажется, фокус в этом вопросе следует сместить с доверия и связанности внутри структуры переписки на разрывы и основания недоверия со стороны мусульманских интеллектуалов.

67. Перевод — мой. СПбФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 46. Л. 1; Д. 15. Л. 1.

68. Транслитерация — А. Салихов, перевод — мой. СПбФ АРАН Ф. 782. Оп. 2. Д. 18. Л. 12.

69. Там же. Л. 13.

«Они практически не знакомы с нашим языком, нашими смыслами и нашим духом»: противоречия в структуре коммуникации

Дискуссию о смыслах следует начинать с вопроса языка. Уже первая переписка с Ходжели-моллой выявляет языковую полифонию, которую требовала особой подготовки со стороны востоковеда. Вопрос заключается не только в том, что туркменский корреспондент использует элементы арабского, персидского, чагатайского языков вместе с туркменскими разговорными конструкциями. Проблема заключается в специфической «традиции» агиографических сочинений, нарративов, заданных штампов, структуру которых Ходжели (представитель старшего поколения мусульманских интеллектуалов) использует для выстраивания высказываний о значимых туркменских поэтах и рассказах о себе⁷⁰. К этой же «традиции» следует отнести включение поэтических произведений для передачи эмоций. В то же время Ходжели непосредственно передавал доступные ему сведения о различных исторических лицах, собирая эту информацию у их родственников и знакомых. Подобного рода сложная структура текстов требовала от читателя особой подготовки, понимания методов чтения текста.

Мог ли Самойлович успешно справляться с подобного рода задачами? Во-первых, исследователь не был уверен в собственном знании языков. Об этом свидетельствует отказ от публикации статьи про Геок-тепинскую битву (1881). Согласно черновику, исследователь не смог закончить перевод туркменских текстов⁷¹. Кроме того, в записках о нем и в текстах его выступлений указано, что первым и базовым языком для тюрколога оставался османский. Видя это, астраханские татары в беседах с ним во время экспедиции 1927 года автоматически переходили на азербайджанский⁷². В этом контексте интересна переписка с Чулпаном, который, видя

70. Reynolds, D.F. (2008) *Interpreting the Self: Autobiography in the Arabic Literary Tradition*. Berkeley: University of California Press.

71. ОР РНБ. Ф. 671. Д. 112.

72. Этим примером тюрколог аргументировал возможность использования азербайджанского в качестве *lingua franca* Каспийского бассейна. Центральный Государственный Архив СПб. Ф. 7222. Оп. 9. Д. 45. Аналогичный пример можно найти и в воспоминаниях о встречах Самойловича с татарским интеллектуалом Ризаитдином Фахретдиновым (1859–1936). Kemper, M. (2017) "From 1917 to 1937: The Mufti, the Turkologist, and Stalin's Terror", *Die Welt des Islams* 57: 162–191.

смущение корреспондента из-за использованных узбекских идиоматических выражений, стал использовать турецкие⁷³. Во-вторых, Самойлович был позитивистом, для которого значимую роль играла эмпирическая доказуемость. В этом контексте интересны его рассуждения об исламе, который исследователь полагал институциональной структурой⁷⁴, и о нарративе «святости», который он воспринимал сквозь призму рассуждений об аналогичном явлении в православии⁷⁵. Иначе говоря, Самойлович относился к нему со скепсисом⁷⁶, пытаясь вычлнить из «рассказов» понятное ему «рациональное зерно». Тем самым он не просто структурно пере-страивал повествование своих информантов, соглашаясь с национальной парадигмой, приобретающей все большее значение уже в 1910-е годы (тем самым трансформируя «почитание» в концепцию «культурной нации»)⁷⁷, но и вычлнял те структуры, которые казались ему наиболее «реалистичной» версией биографий⁷⁸.

73. В одном из писем Чулпан писал: “Agar sizga bermalol bo’lsa, o’z tomoningizdan foydalanib bo’lingan turkcha adabiyotga oid asarlardan bir necha dona ajratib bersangiz, boshim osmonga yetardi» — «Если Вам не трудно, могли бы Вы со своей стороны поспособствовать, отобрав несколько произведений, относящихся к литературе на турецком языке, и отправить [их мне], я был бы несказанно этому рад». Уже в следующем письме содержалось уточнение: «‘Boshim osmonga yetdi’ degan o’zbek xalq ifodasi bilan, xursandligimni bildirsa olsam katta gap» — «Произнося узбекское народное выражение «boshim osmonga yetdi», я хвалюсь тем, что испытал радость». В последующем узбекский поэт указывал: «Holbuki, men ba’azi bir xato yo’larga sapdim (turkiyalilari deganidek)» — «Между тем, я подчас отклоняюсь от курса (как говорят турки)», уточняя использование турецкого идиоматического выражения «yanliş yola sarpmak». Перевод — мой. ОР РНБ. Ф. 671. Д. 286. Л. 6–7.
74. Рассуждая о туркменском поэте Махтумкули Фраги (1724–1811), Самойлович вслед за другим востоковедом, Александром Александровичем Семёновым (1873–1958), пытался определить структуру суфийского ордена, к которому принадлежал поэт. *Самойлович А.* Махтумкули и Хаким-Ата // *Туркменоведение*. 1929. № 12. С. 28–29.
75. Самойлович постоянно ссыался на одну из первых своих статей, посвященную встрече с туркменским поэтом Субхан-берды Овез-берды-оглы, выступавшим под псевдонимом Кор-молла (1876–1934). Помимо сильной ориентализации образа поэта, которая сформировалась под влиянием массового ориентализма, то есть популярных рассказов об экзотическом «Востоке», к которым Самойлович активно прибегал на ранних стадиях своей карьеры, эта статья показывает отношение исследователя к нарративу «святости» в исламе. *Самойлович А.* Туркменский поэт-босьяк Кор-молла и его песня о русских (этнографический набросок) // *Живая старина*. 1907. Вып. 4. С. 221–225.
76. Скепсис и попытка проверки устных сведений следует соотносить и с указанной выше критикой Веселовского в адрес Самойловича.
77. *Тольц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период.
78. Потому многие детали рассказов его информантов остались неопубликованными.

Речь идет, например, о биографиях туркменских поэтов, которые Самойлович предпочитал редуцировать до известных ему стихотворных строк. В свою очередь, сами агиографические рассказы информантов воспроизводились им только для демонстрации их легендарного характера⁷⁹.

Можно заключить, что ориентализм в работах Самойловича лежит не в области сознательного конструирования образов и метафор, а в методологии и понимании смыслов. На этот аспект обратили внимание еще его современники. В частности, в 1913 году поволжский учитель Ахмед-Зеки Валидов опубликовал серию статей о сборниках Махтумкули Фраги. Валидов, нанятый Казанским университетом для проведения исследований в Фергане, обнаружил сборник произведений этого поэта и сопоставил его с известными ему публикациями европейских ориенталистов. В результате он выявил многочисленные технические недочеты и конструирование образа Махтумкули, весьма далекого от содержания его произведений. Валидов приходит к однозначному выводу:

По мне, если уж господа ориенталисты изучают поэзию Махтумкули, лучше бы им для начала завершить сбор материала, т.е. выявить все его стихи; также было бы хорошо, если бы они всерьез занялись изучением произведений других поэтов. Но здесь есть еще одна проблема, которая представляет трудность для ориенталистов: во-первых, они практически не знакомы с нашим языком, нашими смыслами и нашим духом⁸⁰.

Самойловича он отдельно критикует за проблему чтения и учета произведений. Эти публикации вызвали незамедлительную реакцию востоковедов⁸¹. Помимо подготовки публикаций, оп-

79. Самойлович А. По поводу издания Н. П. Остроумова «Светоч Ислама»; Дополнения и поправки // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества, Том восемнадцатый. 1907–1908, СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 158–166.

80. Валидов А. Диван-и Махтумкули // Шуро. 1913. № 13. С. 394.

81. Самойлович начал готовить на нее концептуальный ответ: «Предоставляя времени решать вопрос о том, насколько основателен, уместен и полезен для науки выпад господина Ахмед Зекки Валидова, автора статьи «Диван-и Махтумкули», против европейских ориенталистов (Шуро, номер 13, стр. 394) и считая лишним полемизировать с почтенным автором по поводу его упреков, сделанных мне (там же, стр. 395), я позволяю себе поделиться с читателями Вашего уважаемого журнала некоторыми замечаниями касательно вышеупомянутой интересной работы

понирующих Валидову, они вступили с ним в непосредственную переписку. В этом вопросе примечательна дискуссия учителя Самойловича, Бартольда с тем же Валидовым, центральным сюжетом которой является тесное переплетение метода познания и этоса ученого.

Дискуссия между ними развивается в области филологии и истории. Она начинается с публикации Бартольдом нескольких работ о задачах востоковедной науки, например, статьи «Задачи русского востоковедения» в 1915 году Валидов, выявив разрыв в построениях Бартольда, тут же отреагировал чередой критических очерков в татарской прессе. Бартольд, написав письма в редакции этих периодических изданий⁸², обратился к Валидову за разъяснением его позиции, которую последний сформулировал уже в личном письме. Валидов, в частности, опровергал выдвинутые против него обвинения в национализме и демонстрировал «перекосы» в сторону европоцентризма в работах самого Бартольда:

Одна фраза в конце Вашего произведения «Задачи русского востоковедения» поразила меня. Вы заявляете: «ученый, знакомый с историей Туркестана... отвергнет мнение совершенных представителей турецкого национализма в России о Туркестане, как исконно турецкой стране». Также к этому Вашему высказыванию Вы добавляете такие вопросы, как «интересы русской культуры и установления её господства». А основательно ли «сторонникам турецкого национализма в России» смешивать национальные интересы России и сказанное на торжественном годовом собрании Академии Наук? Тот факт, что они говорят, что Туркестан — искони турецкая страна (даже если это действительно так), в этом отношении страшен? Как мне кажется, этот вопрос в какой-то степени страшен. Если подобные Вам историки Туркестана будут утверждать то, что Туркестан искони арийская страна (и Вы действительно это утверждали [1896, июнь. Средне-Азиатский вестник]), в таком случае, «представители турецкого национализма в России» недалеко ушли от Ваших слов.

талантливого татарского ученого», — но отказался от своих планов, перечеркнув начало статьи и записав «Зря!» В итоге им была подготовлена более дипломатичная статья для выпуска Записок Восточного Отделения РАО в 1914 года. ОР РНБ. Ф. 671. Д. 96.

82. Батунский М. Россия и ислам. Том 3. М.: Прогресс-Традиция, 2012.

Поэтому не будет необходимости в противодействии правительства и отвержениях ученых⁸³.

По ходу переписки Бартольд настаивает на инклюзивном характере востоковедных исследований, а также на вопросе объективизации знания, попытке «держать дистанцию» по отношению к изучаемому феномену, что виделось им важным элементом этоса⁸⁴. Валидов же подчеркивает, что речь идет об иерархичности производства знания, в котором только европейцы имеют право формулировать знание. Это резко противоречит тем этическим основаниям, которые выдвигал Бартольд. Он особо останавливается на факторе предвзятости тюркологов по отношению к тюркоговорящим мусульманским интеллектуалам:

Вы, смотрите, не обвиняйте и не упрекайте нас в разных злонамерениях и тенденциях. Я думаю, что еще до того, как Вы прочитаете наши работы, Вы уже смотрите на них с предубеждением, пытаетесь понять, с какой тенденцией они написаны⁸⁵.

Тем самым, хотя Валидов и настаивает на своем незнании с «методом написания научных работ» и желании его познать, но показывает критическую перспективу по отношению к востоковедению, заключенную не просто в выводах и образах, а в создаваемых смыслах. Безусловно, эта полемика заслуживает отдельной статьи, но она однозначно демонстрирует несогласие мусульманских интеллектуалов с работами востоковедов.

Проблема понимания смыслов становится еще более актуальной с переходом к 1920-м годам и политике коренизации, когда и начинаются основные столкновения и разногласия между различными группами экспертов (как локальных, так и общесоюзных), задействованных в культурном строительстве «Советского Востока». Часть этих дискуссий также нашла свое отражение в переписке и критических статьях. В частности, критиковались разрывы дисциплинарных полей, к которым прибегали востоковеды, подключая к своим исследованиям этнографию и археологию. Поводом для дискуссий становилось «удревнение» ис-

83. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 38. Салихов А. Научная деятельность А. Валидова в России. Уфа: Издательство «Гилем», 2001.

84. Батунский М. Россия и ислам. Том 3. М.: Прогресс-Традиция, 2012.

85. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 38.

тории национальных литератур, концептуализация связанности «исламского мира», применяемость «национальной парадигмы» и т.д.⁸⁶ Зачастую отдельные дискуссии были связаны с личными стратегиями деятельности избранных экспертов и их сосредоточенностью на собственных концепциях⁸⁷.

Эти разрывы однозначно демонстрируют всю несостоятельность дихотомичного восприятия коммуникаций начала XX века. Обе стороны прекрасно осознавали зависимость друг от друга и не разрывали связи, дискутируя как о методах познания, так и о смысловом содержании текстов. Несмотря на эту когерентность, внутренняя система взаимодействия была наполнена противоречиями, связанными со спецификами смысловых значений текстов. Востоковедные смыслы и варианты интерпретации зачастую противоречили мнению местных специалистов, что вызывало ожесточенные споры на страницах писем.

Заключение

Современные исследования востоковедения сосредоточены вокруг понимания сложных структур власти и насилия, являющихся частью этой сферы производства знания. Деконструируя концепт «Востока», созданный востоковедами, некоторые специалисты попытались доказать, что он все же имеет некоторую связь с реальностью, подвергнув анализу сети коммуникаций востоковедов с локальными информантами, посредниками и интеллектуалами.

Оказалось, что в начале XX века стремление «услышать» другую сторону стало естественным элементом «этоса» востоковедов. Многочисленные «овеществленные встречи» в виде писем, газетных дискуссий, книг скрывают за собой не просто обмен мнениями, но особые механизмы циркуляции и сохранения знания. В развитии этих механизмов были заинтересованы обе стороны. Однако они действовали с разными целями — мусульмане сохраняли и передавали знания, а востоковеды сохраняли «живую старину», видя в ней, с одной стороны, возможность пополнить об-

86. Erdman, M. (2020) "Turkic Typologies: Ideology and Indigenous Linguistic Knowledge in the Work of Bekir Çobanzade", in *International Journal of Asian Studies* 17: 127–144.

87. Shin, B. (2017) "Inventing a National Writer: the Soviet Celebration of the 1948 Alisher Navoi Jubilee and the Writing of Uzbek History", *International Journal of Asian Studies* 14(2): 117–142.

щечеловеческую культуру, а с другой, эволюционный потенциал для вовлечения локальных сообществ в универсальную идею прогресса. Роли субъектов в этом процессе были подвижны, а «инвестиции в экономику знания», особенно в вопрос доверия, были значительными.

Однако в 1910-х годах, когда мусульманские интеллектуалы стали читать востоковедные тексты и изучать методы их работы, оказалось, что обе стороны по-разному воспринимают тексты. Они видят в них различные значения, которые подчас противоречат друг другу. Там, где востоковеды видели инклюзивную систему представительства, мусульманские интеллектуалы обнаруживали эпистемологическое насилие и иерархичность. Эта проблема лишь обострилась в 1920-е годы с началом политики коренизации, культурной революции и попытками использовать востоковедов как посредников.

Видя отличия в методах, понимая столкновения нарративов, мы можем осознать те элементы, которые способствовали «ориентализации» знания о мусульманских сообществах бывшей Российской империи, понять то, как конструировалась новая реальность, унаследованная впоследствии советским режимом.

Библиография / References

Архивные материалы

Институт Восточных Рукописей РАН (ИВР РАН). Рукописный архив. Арабиграфичный фонд.

Документ С-162 (литературные письма Ходжели-моллы).

Документ D-21 (собрание стихотворений).

Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ). Ф. 671 (Самойлович).

Д. 78 (Записные книжки за 1904–1906 гг.). Записная книжка 1.

Д. 112 (Геок-тепинские события).

Д. 188 (Давентин).

Д. 228 (Мусса Джаралла).

Д. 286 (Сулейманов).

Д. 333 (Юнусов).

Санкт-Петербургский филиал Архива Академии Наук (СПбФ АРАН).

Ф. 68 (Бартольд). Оп. 2 (переписка). Д. 38 (Валидов).

Ф. 782 (Самойлович). Оп. 2 (переписка).

Д. 3 (Амирхан).

Д. 14 (Гаспринский).

Д. 15 (Гельдыев).

Д. 18 (Давлетшин).

Д. 46 (Ходжели-молла).

Центральный Государственный Архив СПб (ЦГА СПб). Ф. 7222 (Ленинградский Восточный Институт). Оп. 9. Д. 45 (Отчет о поездке А. Н. Самойловича в 1927 г.).

Литература

Ананьев В., Бухарин М. «Имена, которые никогда не будут забыты...»: Российское востоковедение в переписке В. В. Бартольда, Н. Я. Марра и С. Ф. Ольденбурга. М.: Варфоломеев А. Д., 2020.

Асватуров А. Книги из библиотеки академика А. Н. Самойловича в фонде ОНЛ // 12 Международная конференция «Крым 2005»: библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса. [<http://grntb.ru/win/inter-events/crimea2005/disk/144.pdf>, доступ от: 06.07.2021]

Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 г. М.: Восточная литература, 2005.

Батунский М. Россия и ислам. Том 3. М.: Прогресс-Традиция, 2012.

Бессмертная О. «Понимание истории и идентичность автора в возражениях Атаулы Баязитова Эрнесту Ренану» // *Islamology*. 2019. Т. 9. № 1-2. С. 54–82.

Бессмертная О. «Только ли маргиналии? Три эпизода с «мусульманским русским языком» в поздней Российской империи» // *Islamology*. 2017. Т. 7. № 1. С. 140–179.

Благова Г. История тюркологии второй половины XIX — начала XX вв. в России. М.: Восточная литература, 2012.

Валидов А. Диван-и Махтумкули // Шуро, 1913. № 13. С. 394.

Верт П., Кабытов П., Миллер А. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005.

Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018.

Зайцев И., Котюкова Т. «Шейх» и «мугаллим-устан»: письма Исмаила Гаспринского Александру Самойловичу // *Minbar. Islamic Studies*. 2020. № 13(3). С. 513–537.

Самойлович А. Туркменский поэт-бояк Кор-молла и его песня о русских (этнографический набросок) // *Живая старина*, 1907, вып. 4. С. 221–225.

Самойлович А. Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и Хивинское ханство командированного СПб Университетом и Русским комитетом приват-доцента А. Н. Самойловича в 1908 г. // *ИРКСА*. № 9. С. 15–29.

Самойлович А. По поводу издания Н. П. Остроумова «Светоч Ислама»; Дополнения и поправки // *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*, Том восемнадцатый. 1907–1908, СПб.: Типография Императорской Академии Наук, С. 158–166.

Самойлович А. Махтумкули и Хаким-Ата // *Туркменоведение*, 1929, № 12, С. 28–29.

Самойлович А. Н.: научная переписка, биография / сост., автор статей и биографии Г. Ф. Благова. М.: Вост. лит., 2008.

Самойлович А. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М.: Вост. лит., 2005.

Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Юсупова Т. Научные командировки российских востоковедов в Турцию, 1920–1930-е годы: цели и результаты // *Mongolica*. 2020. Т. 23. № 2. С. 49–53.

Archival materials

- Institut Vostochnykh Rukopisei RAN. Rukopisnii arkhiv. Arabografichnii fond [Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IVR RAN). Manuscript Archive. Arabographic collection].
- Dokument S-162 (Literaturnye pis'ma Khodzheli-molly) [Document C-162 (The literary letters of Khojeli Molla)].
- Dokument D-21 (sobranie stikhotvorenii) [Document D-21 (The collection of poetry)].
- Otdel rukopisei Rossiiskoi Natsionalnoi Biblioteki (OR RNB). F. 671 (Samoilovich). [The department of manuscripts at the Russian National Library (OR RNB). F. 671 (Samoilovich)].
- D. 78 (Zapisnye knizhki za 1904-1906 gg.). Zapisnaia knizhka 1. [(The notebooks for a period of 1904–1906). The notebook 1].
- D. 112 (Geok-tepinskie sobytiia). [The events in Gök-tepe].
- D. 188 (Daventin). [The letter by Daventin].
- D. 228 (Mussa Dzharalla). [The letters by Mussa Dzharalla].
- D. 286 (Suleymanov) [The letters by Suleymanov].
- D. 333 (Yunusov). [The letter by Yunusov].
- Sankt-Peterburgskii Filial Arkhiva Akademii Nauk (SPbF ARAN) [The St. Petersburg Branch at the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN)].
- F. 68 (Bartol'd). Op. 2 (Perepiska). D. 38 (Validov) [F. 68 (Bartol'd). Op. 2 (Correspondence). D. 38 (Validov)].
- F. 782 (Samoilovich). Op. 2 (Perepiska). [F. 782 (Samoilovich). Op. 2 (Correspondence)].
- D. 3 (Amirkhan) [(The letter by Amirkhan).]
- D. 14 (Gasprinskii).
- D. 15 (Gel'dyev).
- D. 18 (Davletshin).
- D. 46 (Khodzheli-molla).
- Tsentral'nii Gosudarstvennii Arkhiv SPb (TSGA SPb). F. 7222 (Leningradskii Vostochnyi Institut). Op. 9 D. 45 (Otchet o poezdke A.N. Samoilovicha v 1927 g.). [The Central State Archive of the city of St. Petersburg (TSGA SPb). F. 7222 (The Leningrad Institute for Oriental Studies). Op. 9. D. 45 (The report on the expedition by A. Samoilovich)].

Literature

- Anan'ev, V., Bukharin, M. (2020) *“Imena, kotorye nikogda ne budut zabyty...”*: Rossiiskoe vostokovedenie v perepiske V.V. Bartol'da, N. Ia. Marra i S.F. Ol'denburga [“Names that will never be forgotten...”: Russian Orientalism in the correspondence of V. V. Barthold, N.Ya. Marr and S. F. Oldenburg]. M.: Varfolomeev A. D.
- Annamammedow, M. (1994) “Halk göresleriniñ çeper ýazgysy” [The artistic writings of the people's fight], in *Abdysetdar Kazıy. Žeñnama. Tekeleriñ uruş kyssa kitabıy*. Aşgabat.
- Asvaturov, A. (2005) “Knigi iz biblioteki akademika A.N. Samoilovicha v fonde ONL” [The books from the library of academician A. Samoilovich in the collection of the De-

- partment of national literatures], in *12 Mezhdunarodnaia konferentsiia "Krym 2005": biblioteki i informatsionnie resursy v sovremennom mire nauki, kul'tury, obrazovaniia i biznesa*. [http://gpntb.ru/win/inter-events/crimea2005/disk/144.pdf, accessed on 06.07.2021].
- Baskhanov, M. (2005) *Russkie voennye vostokovedy do 1917 g.* [Russian military orientalists before 1917]. M.: Vostochnaia literatura.
- Batunskij, M. (2012) *Rossii i islam. Tom 3* [Russia and Islam. Vol. 3]. M.: Progress-Traditsiia.
- Bessmertnaia, O. (2019) "Ponimanie istorii i identichnost' avtora v vozrazheniakh Ataully Baiazitova Ernestu Renanu" [The vision of history and the author's identity in Ataulla Baiazitov's "objection" to Ernest Renan], in *Islamology* 9(1–2): 54–82.
- Bessmertnaia O. (2017) "Toľko li marginalii? Tri epizoda s "musul'manskim russkim iazykom" v Pozdnei Rossiiskoi imperii" [Mere marginalia? Three cases of 'Muslim Russian' in the late Russian Empire (the 1890s – 1910s)], *Islamology* 7(1): 140–179.
- Blagova, G. (2008) *Samoilovich A.: nauchnaia perepiska, biografii* [Samoilovich: academic correspondence, biography]. M.: Vost. lit.
- Blagova, G. (2012) *Istoriia turkologii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. v Rossii* [The history of Turkology of the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries]. M.: Vostochnaia literatura.
- Bustanov, A. (2019) "On Emotional Grounds: Private Communication of Muslims in Late Imperial Russia", *Asiatische Studien - Études Asiatiques* 73(4): 655–682.
- Çelik, Z. (2021) *Europe Knows Nothing About the Orient: A Critical Discourse From The East (1872–1932)*. Koç University Press.
- Daston, L., Galison, P. (2018) *Ob"ektivnost'* [Objectivity]. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Erdman, M. (2020) "Turkic Typologies: Ideology and Indigenous Linguistic Knowledge in the Work of Bekir Çobanzade", *International Journal of Asian Studies* 17:127–144.
- Feichtinger, J., Bhatti, A., Hülmbauer, C. (2020) *How to Write the Global History of Knowledge-Making: Interaction, Circulation and the Transgression of Cultural Difference*. Springer.
- Herman, P. (2019) *Scholarly Personae in the History of Orientalism, 1870–1930*. Leiden-Boston: Brill.
- Heschel, S., Ryad, U. (2019) *The Muslim Reception of European Orientalism: Reversing the Gaze*. London and New York: Routledge.
- Jiménez, A. (2005) "After trust", in *The Cambridge Journal of Anthropology*, Vol. 25 (2): 64–78.
- Kemper, M. (2017) "From 1917 to 1937: The Mufti, the Turkologist, and Stalin's Terror", *Die Welt des Islams* 57: 162–191.
- Khalid, A. (2015) *Making Uzbekistan: nation, empire, and revolution in the early USSR: monograph*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Kuzuoglu, U. (2020) "Telegraphy, Typography, and the Alphabet: The Origins of Alphabet Revolutions in the Russo-Ottoman Space", *International Journal of Middle East Studies* 52(3): 1–19.
- Miyazaki, H. (2004) *The Method of Hope: Anthropology, Philosophy, and Fijian Knowledge*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Morrison, A. (2009) "'Applied Orientalism' in British India and Tsarist Turkestan", *Comparative Studies in Society and History* 51(3): 619–647.

- Morrison, A. (2013) "The Pahlen Commission and the Re-Establishment of Rectitude in Transcaspia, 1908–1909", *Monde(s)* 4: 45–64.
- Piette, Albert (2019) *Theoretical Anthropology or How to Observe a Human Being*. Vol. 1. Wiley.
- Reynolds, D. F. (2008) *Interpreting the Self: Autobiography in the Arabic Literary Tradition*. Berkeley: University of California Press.
- Roque, R., Wagner, K. (2011) *Engaging Colonial Knowledge: Reading European Archives in World History*. Palgrave Macmillan.
- Samoilovich, A. (1907) "Turkmenskii poet-bosiak Kor-molla i ego pesnia o russkikh (etnograficheskii nabrosok)" [Turkmen poet-tramp Gor-molla and his song on Russians (ethnographic sketch)], *Zhivaia starina* 4: 221–225.
- Samoilovich, A. (1908) Kratkii otchet o poezdke v Tashkent i Bukharu i Khivinskoe khanstvo komandirovannogo SPb Universitetom i Russkim komitetom privat-docenta A. N. Samoilovicha v 1908 g. [The brief report about the journey to Tashkent, Bukhara and the Khivinian khanate written by Alexander Samoilovich, the privat-dotzent who was sent to this journey by the Russian committee], *IRKSA* (9): 15–29.
- Samoilovich A. Po povodu izdaniia N. P. Ostroumova "Svetoch Islama"; Dopolneniia i popravki [On the publication of "The ight of Islam" by N. P. Ostroumov; Additions and edits], *Zapiski Vostochnogo Otdeleniia Imperatorskogo Russkogo Arheologicheskogo Obshchestva*, Tom vosemnadcatyj. 1907–1908, SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk: 158–166.
- Samoilovich, A. (1929) "Makhtumkuli i Khakim-Ata" [Makhtumkuli and Hakim Ata], *Turkmenovedenie* (12): 28–29.
- Samoilovich, A. (2005) *Tiurkskoe iazykoznanie. Filologiya. Runika* [Turkie linguistics, philology, runes studies]. M.: Vost. lit.
- Sartori, P. (2018) "On Strangers and Commensurability in Eurasia: A View from "the North"", *The Indian Economic and Social History Review* 55(1): 133–145.
- Schaffer, S., Roberts, L., Raj, K., Delbourgo, J. (2009) *The Brokered World: Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820*. Watson Publishing International LLC.
- Shin, B. (2017) "Inventing a National Writer: the Soviet Celebration of the 1948 Alisher Navoi Jubilee and the Writing of Uzbek History", *International Journal of Asian Studies* 14(2): 117–42.
- Şen, C. (2006) *Stalin Dönemi Türk-Sovyet İlişkileri (1923–1953)* [The relations between Turkey and the Soviet Union in the Stalin's period]. Isparta: Süleyman Demirel Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü.
- Tolz, V. (2013) "Sobstvennii Vostok Rossii": politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period [Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Towsey, M. (2019) *Reading History in Britain and America, c.1750–c.1840*. Cambridge University Press.
- Trüper, H. (2020) *Orientalism, Philology, and the Illegibility of the Modern World*. London: Bloomsbury Academic.
- Validov, A. (1913) "Divan-i Mahtumkuli" [The collection of poetry by Magtymguly], *Şuro* 13.
- Vert, P., Kabytov, P., Miller, A. (2005) *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografi. Raboty poslednikh let: Antologiya*. [The Russian empire in foreign historiography. Recent works: anthology]. M.: Novoe izdatel'stvo.

- Volkov, D. (2018) *Russia's Turn to Persia: Orientalism in Diplomacy and Intelligence*. Cambridge University Press.
- Young, R. (2001) *Postcolonialism: a Historical Introduction*. Blackwell Publishing.
- Iusupova, T. (2020) "Nauchnye komandirovki rossiiskikh vostokovedov v Turtsiiu, 1920–1930-e gody: tseli i rezul'taty" [Academic journeys of the Russian Orientalists to Turkey in the 1920-1930s: aims and results], *Mongolica* 2: 49–53.
- Zajcev, I., Kotiukova, T. (2020) "Sheikh' i 'mugallim-ustad': pis'ma Ismaila Gasprinskogo Aleksandru Samoilovichu" ["Sheykh" and "mugallym-usatd": the letters by Ismail Gasprinskiy to Alexander Samoilovich], *Minbar. Islamic Studies* 13(3): 513–537.